

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ,

ПОСВЯЩЕННЫЙ ИССЛѢДОВАНІЯМЪ И РАЗРАБОТКѢ РАЗНЫХЪ
ВОПРОСОВЪ ПО РУС. ЯЗЫКУ, ЛИТЕРАТУРѢ И ВООБЩЕ ПО СРАВ-
НИТЕЛЬНОМУ ЯЗЫКОЗНАНІЮ И СЛАВЯНСКИМЪ НАРѢЧІЯМЪ

ОСНОВАННЫЙ ВЪ 1860 ГОДУ

А. А. ХОВАНСКИМЪ

въ г. Воронежѣ.

Журналъ одобренъ и рекомендованъ къ приобретенію въ фундамен-
тальныя библіотеки учебныхъ заведеній: 1) Ученымъ Комите-
томъ Минист. Народнаго Просвѣщенія, 2) Главнымъ Управле-
ніемъ Военно-Учебн. завед., 3) Совѣтомъ женск. учебн. завед.
Вѣдомства Императрицы Маріи, 4) Учебнымъ Комитетомъ при
Св. Синодѣ, 5) Учебнымъ Отдѣломъ Министерства Финансовъ.
На первой Всероссийской Выставкѣ печатнаго дѣла въ 1895 году
Редактору-Надателью А. А. Хованскому присужденъ похвальный
отзывъ за продолжительную полезную надательскую дѣятельность
въ области филологіи.

ГОДЪ СОРОКЪ ТРЕТІЙ.

ВЫПУСКЪ I.

Печатается безъ предварительной цензуры.

Воронежъ.
Типографія В. И. Иванова.

1903

Литературно-идейная сторона въ произведеніяхъ М. Горькаго.

I.

жизнь извѣстнаго народа, извѣстнаго общества, какъ принято думать, находить свое полное выраженіе въ современной имъ литературѣ,—по крайней мѣрѣ всѣ рѣзкія, типическія черты данной эпохи всегда ясно выступаютъ въ художественныхъ произведеніяхъ того времени. Принимая это за истину, мы вполне логично можемъ сдѣлать и обратное заключеніе,—что по литературнымъ произведеніямъ данной эпохи мы можемъ судить о современномъ ей обществѣ. Если, руководясь этимъ общимъ положеніемъ, мы обратимся къ частному случаю—къ русской литературѣ послѣднихъ лѣтъ, то мы поразимся тою монотонностью, дряблостью и мертвенностью, которыми характеризуется жизнь русскаго общества за послѣдніе годы. Возьмите, напр., произведеніа одного изъ видныхъ представителей русской литературы—А. П. Чехова; посмотрите, какой апатіей, безсодержательностію, какимъ пессимизмомъ, какою безотрадною грустью вѣетъ отъ изображенной въ нихъ жизни: въ нихъ нѣтъ почти ни одного мѣста, на которомъ бы отдохнула ваша душа, на которомъ она хотя бы на минуту облегчилась отъ тяжелаго сознанія: «грустно жить на свѣтѣ, господа!» ... Или возьмите «великаго писателя земли Русской»: что такое его послѣдній романъ «Воскресеніе», какъ не энергичный протестъ противъ безсодержательной жизни современнаго намъ культурнаго общества,—жизни, которая исключаетъ сознательную

дѣятельность человѣка и, порабощая его себѣ, лишаетъ его цѣнности въ нравственномъ отношеніи. И нельзя не согласиться съ этой основной точкой зрѣнія на современную жизнь, — нельзя не признать того, что наша культурная жизнь идетъ не нормально: стоитъ только пристально възмотрѣться въ плоды культурной жизни, чтобы увидѣть все то зло, всѣ бѣдствія, которыя своимъ происхожденіемъ и существованіемъ обязаны именно культурѣ. Культура беретъ у человѣка все, что только есть въ немъ живого, сознательнаго, личнаго; она отнимаетъ у него всѣ жизненные соки, всю прелесть жизни, а взамѣнъ не даетъ ничего или очень мало; съ систематическою послѣдовательностію она превращаетъ человѣка сначала въ животное, а потомъ просто въ машину; но, что всего ужаснѣе, сфера ея вліянія, расширяясь чуть не съ каждымъ годомъ, становится все больше и больше. Правда, нельзя отрицать того, что культура облегчила трудъ человѣка, но зато она сдѣлала его менѣе содержательнымъ, заставивъ человѣка относиться къ своей работѣ чисто механически; а механическое отношеніе къ работѣ постепенно вырабатываетъ въ человѣкѣ и механическое отношеніе къ своей личной жизни. Въ человѣкѣ все меньше и меньше замѣчается оригинальности, самобытности и духовной мощи; онъ ни въ чему не стремится, ничего не ищетъ. Интересы его мелки и ничтожны, запросы его творческаго духа не глубоки; жизнь его проходитъ не производительно, а его работа, которой онъ часто отдаетъ всѣ свои силы, не доставляетъ ему ни духовнаго удовлетворенія, ни матеріальнаго обезпеченія. И смѣшно, и больно становится за человѣка съ его жалкими интересами, съ его лилипутскою дѣятельностію... Грустная и тяжелая картина, но она до поразительности вѣрна дѣйствительности.

II.

та именно сторона печальной дѣйствительности находитъ свое яркое выраженіе въ произведеніяхъ извѣстнаго современнаго намъ писателя Максима Горькаго; эта именно дѣйствительность составляетъ главный предметъ его художественно-поэтического творчества, являясь исходною точкой его писательской дѣятельности. Слѣдующія мысли мы находимъ у него на эту тему уже на первыхъ листахъ перваго тома его сочиненій... «Потемнѣвшее отъ поднятой въ гавани пыли голубое южное небо мутно; жаркое солнце тускло смотритъ въ зеленоватое море, точно сквозь тонкую сѣрую вуаль. Оно не можетъ отразиться въ водѣ, то и дѣло разсѣваемой ударами веселъ, пароходныхъ винтовъ, глубокими, острыми килями турецкихъ фелюгъ и другихъ парусныхъ судовъ, бороздящихъ по всемъ направленіямъ тѣсную гавань, въ которой закованныя въ гранитъ свободныя волны моря, подавленные громадными тяжестями, скользящими по ихъ хребтамъ, бьются о борта судовъ, о берега, — бьются и ропщутъ, вспѣнные ударами, загрязненные разнымъ хламомъ.

Звонъ якорныхъ цѣпей, грохотъ сцѣпленій у вагоновъ, подвозящихъ грузъ; металлическій вопль желѣзныхъ листовъ, откуда-то падающихъ на камень; глухой стукъ дерева, дребезжанье извозничьихъ телѣгъ, свисты пароходовъ, то пронзительно рѣзкіе, то глухо ревушіе; крики грузчиковъ, матросовъ и таможенныхъ надсмотрщиковъ, — всѣ эти звуки сливаются въ оглушительную симфонію трудового дня и, нерѣшительно колыхаясь, стоятъ въ небѣ надъ гаванью, какъ бы боясь всплыть выше и исчезнуть въ немъ, а къ нимъ взы-

маются съ земли все новыя и новыя волны: то глухія, рокочущія и сурово сотрясающія все кругомъ, то рѣзкія, гремящія, разрывающія уши и пыльный, знойный воздухъ.

Гранитъ, желѣзо, мостовая гавани, суда и люди,— все дышитъ мощными звуками бѣшеного страстного гимна Меркурію. Но голоса людей, еле слышные въ немъ, слабы и смѣшны. И сами люди, первоначально родившіе этотъ шумъ, смѣшны и жалки: ихъ фугурки, пыльные, рваныя, юркія, согнутыя подъ тяжестью товаровъ, лежащихъ на ихъ спинахъ,—подъ тяжестью заботы, толпающей ихъ то туда, то сюда, въ тучахъ пыли, въ морѣ зноя и звуковъ, такъ ничтожны и малы по сравненію съ окружающими ихъ колоссами, грудями товаровъ, гремящими вагонами и всѣмъ, что они создали. Созданное ими поработило и обезличило ихъ.

Стоя подъ парами, тяжелые гиганты—пароходы то свистѣли, то шипѣли, то какъ-то глубоко вздыхали, и въ каждомъ рожденномъ ими звукѣ чудилась насмѣшливая нота ироническаго презрѣнія къ сѣрымъ, пыльнымъ фугуркамъ людей, ползавшихъ по ихъ валубамъ и наполнявшихъ ихъ глубокіе трюмы продуктами своего рабскаго труда. До слезъ смѣшны были длинныя веревницы грузчиковъ, таскавшихъ на себѣ тысячи пудовъ хлѣба и ссылавшихъ его въ желѣзные животы судовъ для того, чтобы заработать нѣсколько фунтовъ того же хлѣба для своего желудка, къ несчастію людей, не желѣзнаго и чувствующаго боли голода. Рваные, потные, отупѣвшіе отъ усталости, шума и зноя люди и могучія, блестящія на солнцѣ дородствомъ и безмятежностію машины, созданныя этими людьми,—машины, которыя въ концѣ концовъ приводились въ движеніе все-

—таки не паромъ, а мускулами и кровью своихъ творцовъ... въ этомъ сопоставленіи была цѣлая поэма жестокой и холодной ироніи.

Шумъ подавлялъ; пыль, раздражая ноздри, слѣпила глаза; зной пекъ тѣло и паянурялъ его, и все кругомъ: заданія, люди, мостовая, казалось направленнымъ, надрывшимъ, готовымъ прорваться, терпящимъ терпѣнье, готовымъ разразиться какой-то грандіозной катастрофой, взрывомъ, за которымъ въ освѣщенномъ имъ воздухѣ будетъ дышаться свободно и легко; на землѣ водарится тишина; а этотъ пыльный шумъ, оглушительный, раздражающій нервы, доводящій до тоскливаго бѣшенства, исчезнетъ, и въ городѣ, на морѣ, въ небѣ станетъ тихо, ясно, слышно... Но это казалось потому, что человѣкъ еще не усталъ надѣяться на лучшее, и желаніе чувствовать себя свободнымъ не умерло въ немъ.

III.

существуютъ ли эти надежды, придутъ ли лучшія времена, — не извѣстно, а пока человѣкъ осужденъ на какое-то бессмысленное существованіе; у него нѣтъ идеала жизни, нѣтъ своихъ убѣжденій и опредѣленныхъ цѣлей; его поступки не объединяются одною общою мыслию, которая подчинила бы себѣ все его стремленія и регулировала бы все его желанія: онъ, какъ былинки въ полѣ, наклоняется въ ту сторону, въ какую дуетъ вѣтеръ. Естественно, что при такомъ положеніи дѣла въ человѣкѣ сначала преобладающее, а потомъ господствующее положеніе заняли понятія — самыя низкія, чувства — самыя грубыя, стремленія —

самыя постыдныя, а міръ сдѣлался царствомъ самыхъ разнообразныхъ пороковъ; послѣдніе такъ крѣпко опутали собою человѣческую жизнь и людскія отношенія, такъ властно завладѣли міромъ, что въ немъ нѣтъ уже мѣста противоположной дѣятельности. А человѣкъ? О, онъ спокойно живетъ въ этомъ мірѣ пошлости и лжи, онъ легко дышетъ этимъ затхлымъ воздухомъ. Его воля..., но у него нѣтъ воли; онъ такъ малодушенъ, такъ слабъ, такъ безсиленъ, что даже не думаетъ о томъ, какъ бы ему выйти изъ той ненормальной обстановки, въ которую онъ попалъ; какъ бы ему порвать тѣ нити, которыми онъ связанъ съ этимъ затхлымъ, полнымъ пошлости и лжи міромъ съ тѣмъ, чтобы начать новую, свѣтлую жизнь. И это именно тогда, когда культура, на которую возлагали такія большія надежды, которой приписывали такое облагораживающее вліяніе на человѣка, въ которой видѣли прекращеніе человѣческихъ бѣдствій и страданій,—достигла высшаго своего развитія. И вотъ культура, пользующаяся у людей такимъ неограниченнымъ кредитомъ, должна объявить себя банкротомъ; она обманула кредиторовъ, которые по довѣрію къ культурѣ отдавали ей на служеніе все свои силы, всю энергію... Горько и обидно становится за людей! И послушайте, какъ отзывается о культурѣ Горькій, какою злою ироніей звучатъ его слѣдующія слова: «Я знаю, что люди становятся все мягче душой въ наши высоко-культурные дни и даже, когда берутъ за глотку своего ближняго съ явною цѣлю удушить его, такъ стараются сдѣлать это съ возможною любезностію и съ соблюденіемъ всѣхъ приличій, умѣстныхъ въ данномъ случаѣ. Опытъ собственной моей глотки заставляетъ меня отмѣтить этотъ прогрессъ нравовъ, и я съ пріятнымъ чувствомъ утѣренности подтверждаю, что все раз-

вивается и совершенствуется на этомъ сѣѣ. Въ частности этотъ замѣчательный процессъ вѣско подтверждается ежегоднымъ ростомъ тюремъ, кабаковъ и домовъ терпимости». А вотъ отамъ Горькаго о жизни современнаго культурнаго общества. «Нужно родиться въ культурномъ обществѣ для того, чтобы найти въ себѣ терпѣніе всю жизнь жить среди него и ни разу не пожелать уйти куда-нибудь изъ сферы всѣхъ этихъ тяжелыхъ условностей, узаконенныхъ обычаямъ маленькихъ лживыхъ лжей, — изъ сферы болѣзненныхъ самолюбіи, идейнаго сѣтанства, всаческой неискренности, — однимъ словомъ, изъ всей этой охлаждающей чувство и развращающей умъ суеты суетъ. Я родился и воспитался въ этого общества и по сей пріятной для меня причинѣ не могу принимать его культуру большими дозами безъ того, чтобы, спустя нѣкоторое время, у меня не явилась настоятельная необходимость выйти изъ ея рамокъ и освѣжиться нѣсколько отъ чрезмѣрной сложности и болѣзненной утонченности этого быта. Художественное изображеніе современнаго человѣка, во всей его неприглядности и непривлекательности, Горькій далъ въ разсказѣ: «Ище о чортѣ». Въ немъ идетъ рѣчь о современномъ чловѣкѣ, нѣкоемъ Ив. Ив. Ивановѣ, который занимался, между прочимъ, самоусовершенствованіемъ. Когда однажды, сидя въ своей квартирѣ, Иванъ Ивановичъ думалъ о своихъ недостаткахъ и сожалѣлъ, что не можетъ избавиться отъ нихъ, къ нему явился чортъ и предложилъ Ивану Ивановичу почистить его сердце. Иванъ Ивановичъ соглашается. И вотъ сначала чортъ извлекаетъ изъ груди Ивана Ивановича честолюбіе, потомъ злобу и, наконецъ, гнѣвъ или, вѣрнѣе, не гнѣвъ, а «этакую» нервозность, раздраженіе». Послѣ этого чортъ поздравляетъ Ивана Ивановича съ достиже-

нiемъ совершенства, но, взглянуть на Ивана Ивановича, чортъ обомлѣлъ.

Иванъ Ивановичъ весь какъ-то обвисъ, ослабъ, изломался, точно изъ него вынули всѣ кости. Онъ сидѣлъ въ креслѣ съ раскрытымъ ртомъ, и на лицѣ его сіяло то неизъяснимое словами блаженство, которое всего болѣе свойственно прирожденнымъ иждотамъ.

«Иванъ Ивановичъ!» — крикнулъ чортъ, тронувъ его за рукавъ

— «А»...

«Что съ вами?»

— «О»...

«Вы что-нибудь чувствуете?»

— «У»...

«Вамъ дурно?»

— «Ә»...

«Вотъ такъ святочное происшествіе!» воскликнулъ растерянно чортъ. — «Неужели я это изъ него всю суть извлекъ? Иванъ Ивановичъ!»

— «А»...

«Такъ и есть. Одни междометія остались въ человѣкѣ, да и то безъ всякаго содержанія... Что мнѣ съ нимъ дѣлать!»

Чортъ постукалъ Ивана Ивановича въ грудь: она издала звукъ пустого боченка; онъ постучалъ пальцемъ въ его голову: она тоже была пуста.

«Вотъ-те и совершенный человѣкъ! Ахъ ты бѣдняга! Опустошилъ я тебя... Но развѣ жъ я зналъ, что ты былъ такъ скверно наполненъ?»

Прибавлять къ этому нечего: и изъ того видно, какъ горька та действительность, которую такъ ярко представилъ въ своихъ произведеніяхъ Горькій.

Но что же, неужели нѣтъ выхода изъ этого тяжелаго положенія и ненормальнаго состоянія? неужели человѣкъ навсегда осужденъ на такую мертвую жизнь? Нѣтъ, отвѣчаетъ Горькій, выходъ изъ этого положенія есть. Въ человѣкѣ еще не умерли совсѣмъ идеи свѣта и свободы, идеи живой и сознательной жизни; онъ еще можетъ найти въ себѣ достаточно энергій, чтобы бороться съ враждебными силами за свое человѣческое существованіе: онъ можетъ создать осмысленную и свѣтлую жизнь, въ которой найдетъ полное успокоеніе его пострадавшее сердце. И это не предположеніе только, это глубокая истина, основанная на фактахъ дѣйствительной жизни: есть люди, которые своей жизнію и дѣятельностію подтвердили справедливость этой истины, это — босяки, которые и являются въ произведеніяхъ Горькаго въ качествѣ борцовъ за право человѣческой жизни.

Обратимся теперь къ характеристикѣ этихъ героевъ, чтобы видѣть, какого рода идеалъ предлагаетъ намъ Горькій.

IV.

 Первое, что бросается въ глаза при ближайшемъ знакомствѣ съ босяками, — это ихъ безпокойность, которая обуславливается ихъ стремленіемъ найти идеалъ жизни: «какъ надо жить?» Настоящее положеніе нисколько не удовлетворяетъ ихъ, вызывая въ нихъ тоску по чѣмъ-то и къ чему-то. Эта тоска ни на минуту не даетъ имъ успокоиться и постоянно толкаетъ ихъ впередъ — въ поиски за смысломъ жизни, за «своей точкой», какъ они выражаются. Впрочемъ, дѣйствительность, при

всей своей неудовлетворительности, не стойтъ, по мнѣнію босяковъ, въ причинномъ отношеніи къ ихъ тоскѣ: тоска босяковъ является чѣмъ-то врожденнымъ, и она только возбуждается по поводу дѣйствительной жизни: «на меня, видишь ты, тоска находитъ», говоритъ Коноваловъ. Такая скажу я тебѣ, братецъ мой, тоска, что невозможно мнѣ въ ту пору жить, совсѣмъ нельзя... И все мнѣ въ ту пору противѣтъ—все какъ есть; и самъ я себѣ становлюсь въ тягость, и всѣ люди, хоть помирай они—не охну. Болѣзнь это у меня, должно быть». Тома Гордѣевъ, тоже своего рода босякъ, такъ отзывается о себѣ: «Мать что ли это безчувственностію наградила? Крестный говоритъ: она, какъ ледъ, была... И все ее тянуло куда-то... Вотъ и меня тянетъ». Эта безотчетная тоска гложетъ сердце босяковъ и тогда, когда они попадаютъ сравнительно въ хорошія условія жизни. Григорій Орловъ, напр., поступаетъ на службу въ холерный биракъ,—тамъ бывший пьяница и драчунъ почти перерождается, совсѣмъ измѣнившись къ лучшему; начальство имъ довольно, самъ онъ любитъ свое дѣло и всей душой отдается ему,—жить бы ему здѣсь,—но нѣтъ! Или, напр., Коноваловъ: завязался у него романъ съ богатой кулчихой Вѣрой Михайловной; живутъ они душа въ душу, довольные другъ другомъ. «Удивительно даже, до чего она хорошій человекъ была».. отзывается Коноваловъ о ней, и все-таки ушелъ отъ нея: «потому тоска! тянетъ меня куда-то!»..

Въ одномъ только босики находятъ для себя нѣкоторое успокоеніе—это въ босячествѣ, съ которымъ у нихъ ассоціируется представленіе о полной свободѣ. «Люблю я, другъ, эту бродяжнюю жизнь», говоритъ одинъ изъ босяковъ: «оно холодно и голодно, но свободно ужъ очень. Нѣтъ надъ тобой никакого начальства, самъ ты

своей жизни хозяинъ... хоть голову себѣ откуси, никто тебѣ слова не можетъ сказать... хорошо!»

Только что приведенныя слова даютъ до нѣкоторой степени понять, чѣмъ вызывается эта тяжелая тоска, которая не даетъ покою боснякамъ и вѣчно гонитъ ихъ съ одного мѣста на другое. Они тоскуютъ, потому что въ современной жизни для нихъ слишкомъ мало простора. Повтому-то вполне естественнымъ является у босяковъ и недовольство тѣми условіями современной жизни, которыя такъ или иначе стѣсняютъ ихъ свободу; одинаково недоброжелательно относятся они къ городу и деревнѣ, гдѣ дѣйствуютъ опредѣленные постановленія, стѣсняющія ихъ свободный духъ. Коноваловъ, напр., достаточно пробродившій по свѣту, встрѣтившись съ Горькимъ въ одномъ городѣ, такъ говоритъ ему между прочимъ: «Напрасно ты, Максимъ, въ городахъ трешься. И что тебя къ нимъ тянетъ? Тухлая тамъ жизнь и тѣсная. Ни воздуха, ни простору, ни всего, что человеку надо». Гораздо враждебнѣе босяки относятся къ деревнѣ и мужикамъ. Въ разсказѣ: «Мальви», Сережка называетъ мужиковъ «землеѣдами тупорылыми», «протами тарганичичами» и даже «сволочью», а объ одномъ изъ нихъ отзывается: «Мнѣ онъ не по душѣ... деревней отъ него воняетъ, а я запаха этого не терплю». Еще враждебнѣе относится къ мужику босякъ—Емельянъ Пилипъ: «мужика бы этого, черноземнаго бириня—ухъ ты! грабь... дери шкуру, выворачивай на изнанку.. Придетъ опохмелиться.—«Емельянъ Павлычъ! дай въ долгъ стабанчикъ!»—«А? Что? Въ долгъ?! Не дамъ въ долгъ!»—«Емельянъ Павлычъ, будь милосердъ!»—Изволь, буду: вози телегу, шевалекъ дамъ. Ха-ха-ха! И бы его, чорта тугонущаго, пронзилъ».

Но свобода, которой такъ жаждутъ босяки, не есть

для нихъ самоцѣль; она только средство къ тому, чтобы устроить свою жизнь на разумныхъ началахъ, что собственно и является конечнымъ пунктомъ босицкихъ стремленій. И въ тоскѣ босиковъ, въ ихъ вѣчномъ шатаніи по свѣту, въ ихъ неудовлетворенности — во всемъ этомъ сказывается стремленіе человѣческаго духа найти разумную цѣль жизни и такимъ образомъ разрѣшить проклятые вопросы. Мысль о разумной цѣли жизни постоянно воздѣйствуетъ на босиковъ, не давая имъ успокоиться ни на одно мгновеніе; она-то толкаетъ ихъ все впередъ и впередъ «за порядками жизни». Коноваловъ, живя еще вмѣстѣ съ Максимомъ Савватѣичемъ (Горькимъ), какъ-то спросилъ его: «нѣтъ ли въ книгахъ насчетъ порядковъ жизни, т.-е. поученія, какъ жить? Поступки бы мнѣ нужно разъяснить, которые вредные и которые ничего себѣ»... и далѣе продолжалъ: «всеумно умные люди не понимаютъ, что нужно на землѣ устроить порядокъ и въ ясность людей привести?»... Когда же Максимъ Савватѣичъ сталъ убѣждать Коновалова въ томъ, что социальныя условія не дали ему развить его внутреннюю жизнь, Коноваловъ не согласился: «каждый человѣкъ самъ себѣ хозяинъ, и никто въ томъ не повиненъ, ежели я подлецъ есть», говорить онъ.

— «Да погоди», кричалъ я: «какъ можетъ человѣкъ устоять, если на него со всѣхъ сторонъ равная темная сила претъ?»

— «Упрись крѣпче», провозглашалъ мой оппонентъ, горячась и сверкая глазами.

«Да во что упереться?»

— «Найди свою точку и упрись»

«А ты чего же не упирался?»

— «Вотъ я те и говорю, чудакъ-человѣкъ, что я

самъ виновать въ моей долѣ! Не нашелъ я точки моей...

Ищу, тоскую и не нахожу».

Мальва, эта страстная и жестокая натура, не признающая, кажется никого и ничего, и та такъ или иначе ищетъ смысла жизни. Она любитъ, напр., читать книги въ родѣ житія Алексѣя, человека Божія, и съ тревогой спрашиваетъ, что надо дѣлать. Тапа читаетъ Библию и сожалеетъ, что въ наши дни нѣтъ ни князей, ни пророковъ отъ Бога, и некому насъ научить, какъ надо жить. Григорій Орловъ хочетъ выступать противъ людей съ обвинительною рѣчью по поводу ихъ безыдейной жизни: «Ахъ, вы гады! Зачѣмъ вы живете? какъ вы живете? Жулье вы лицемѣрное, и больше ничего!»

У.

Изъ выше приведеннаго видно, что босыни только еще рѣшаютъ жизненные вопросы и главный изъ нихъ: «какъ надо жить?» но еще не рѣшили; отсюда ихъ взгляды на жизнь и въ частности на людскихъ отношенія не получили еще устойчивости и потому отличаются неопредѣленностію; но при всемъ томъ босыни не прочь помочь своему ближнему и иногда даже съ нѣкоторою долею самопожертвованія. Въ рассказѣ: «Дѣло съ застѣжками», выводится одинъ босынь, который отдаетъ заработанную имъ плату своему товарищу, чтобы выкупить украденныя этимъ послѣднимъ серебряныя застѣжки отъ Библии, которая онъ потомъ возвращаетъ по принадлежности. Или, напр., Григ. Орловъ самоотверженно ухаживаетъ за холернымъ, нисколько не опасаясь заразы. Или, наконецъ, Коноваловъ, повинаясь добродушному сердцу, помогаетъ одной дѣвушкѣ Капитолиѣ

выбраться изъ дома терпимости, куда ее загнала нужда. Объ этомъ же Коноваловъ Горькій говоритъ, что онъ никогда никого не обидѣлъ.

Итакъ, по изображенію Горькаго, босіаки—народъ очень симпатичный: это, оказывается, люди глубоко-мыслящіе, идеальные по своимъ конечнымъ стремленіямъ и доброжелательные къ другимъ. Они стремятся освободиться отъ стѣснительныхъ оковъ теперешней жизни, хотятъ подняться выше заѣдающей ихъ среды, чтобы, осмотрѣвшись, рѣшить вопросъ: «какъ надо жить?»

И нужно сказать, что Горькій очень сочувственно относится и къ идеямъ, и къ стремленіямъ босіаковъ. Свое сочувствіе стремленіямъ къ свободѣ и свѣту Горькій ясно высказалъ въ слѣдующихъ аллегорическихъ разсказахъ: «О чижѣ, который лгалъ, и о Дятлѣ, любителѣ истины»; въ «Пѣснѣ о Соколѣ», «Старухѣ Иаергилѣ». Въ первомъ изъ нихъ идетъ рѣчь о томъ, какъ пребывали въ лѣсу птицы, смущенныя холодомъ и тьмой». И вотъ среди нихъ появился чижъ, который сначала пропѣлъ людямъ пѣсню, а потомъ сказалъ рѣчь; въ ней онъ звалъ всѣхъ птицъ покинуть это мѣсто тьмы и искать новой, свободной и свѣтлой жизни.

«За мной, кто смѣлъ! Да сгинетъ тьма!

Душѣ живой въ ней мѣста нѣтъ!

Зажжемъ сердца огнемъ ума,

И воцарится всюду свѣтъ!

Кто честно смерть пріалъ въ бою,

Тотъ развѣ палъ и побѣжденъ?

Палъ тотъ, кто, робко грудь свою

Прикрывъ, ушелъ изъ битвы вонъ».

Всѣ птицы вострепнулись и хотѣли двинуться за чижомъ, но тутъ выступилъ впередъ дятель, который наглядно доказалъ всю опасность предпріятія чижа:

«вѣтъ нигдѣ теплой пріятной страны, о которой говорить чинъ, а, напротивъ, не дальше, какъ за лѣсомъ, ожидаетъ пернатыхъ птицедовъ Гришка». Птицы вняли голосу дятла и преспокойно остались въ темной, безпросвѣтной чащѣ лѣса. Авторъ такъ заканчиваетъ этотъ разсказъ: «прочитай ее (сказку), ты (читатель), конечно, увидишь, что чинъ благороденъ, но не имѣетъ вѣры и потому нищъ духомъ; дятель благоразуменъ, но пошлъ, а птицы—слушатели отамничивы лишь потому, что любопытны; но онѣ въ сущности черствы сердцемъ и мелки, мелки, позорно мелки»... Въ разсказѣ: «Пѣсни о Соколѣ», соколъ съ разбитою грудью и окровавленный падаетъ въ темное, съ запахомъ гнили, ущелье, гдѣ лежалъ ужъ. Умиравшій соколъ, привыкшій жить на свободѣ, высказываетъ страстное желаніе еще разъ подняться въ небо, еще разъ сразиться съ врагомъ. Поколебленный его словами, ужъ рѣшается полетѣть самъ, но, подпрыгнувъ, падаетъ на землю и потомъ разсуждаетъ: «Такъ вотъ въ чемъ прелесть полета въ небо! Она въ паденьи! Смѣшныя птицы! Но не обмануть теперь ужъ больше меня ихъ рѣчи. Я самъ все знаю. Я видѣлъ небо... Взлетомъ въ него я его измѣрилъ, позналъ паденье, но не разбился, а только крѣпче въ себя я вѣрю. Я знаю правду. И ихъ призывамъ я не повѣрю. Земля творенье—землей живу я... Но волны моря поютъ грозную пѣснь, отъ которой дрожатъ небо: «Безумство храбрыхъ—вотъ мудрость жизни. О смѣлый соколъ! въ бою съ врагами истекъ ты кровію... Но будетъ время, и капли крови твоей горячей, какъ искры, вспыхнутъ во мракѣ жизни и много смѣлыхъ сердецъ зажгутъ безумной надеждой свободы свѣта!

Пускай ты умеръ!... Но въ пѣснѣ смѣлыхъ и сильныхъ духомъ всегда ты будешь живымъ примѣ-

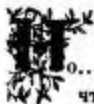
ромъ, — призывомъ гордымъ къ свободѣ, къ свѣту!»

Въ «Старухѣ Изергиль» передается легенда о иѣ-
которомъ Данко, который велъ по лѣсу заблудившихся
людей. Терпѣніе ихъ въ поискахъ пути истощилось, и
они хотѣли убить Данко. «Тогда въ сердцѣ Данко», чи-
таемъ мы: «вскипѣло негодованіе, но отъ жалости къ
людямъ оно погасло. Онъ любилъ людей тѣхъ и ду-
малъ, что, можетъ — быть, безъ него они погибнутъ. И
вотъ его сердце вспыхнуло яркимъ огнемъ желанія спа-
сти ихъ и вывести ихъ на легкій путь». Данко разор-
валъ свою грудь, вынулъ пылающее сердце, которое и
освѣтило людямъ путь по темному лѣсу.

Въ «Читателѣ», этомъ, весьма цѣнномъ для ха-
рактеристики художественно-литературныхъ взглядовъ
Горькаго, произведеніи, неизвѣстный человѣкъ говоритъ
автору: «Едва ли Богъ послалъ насъ (современныхъ по-
этовъ) на землю... Онъ выбралъ бы болѣе сильныхъ, чѣмъ
вы; Онъ зажегъ бы сердца ихъ огнемъ страстной любви
къ жизни, къ истинѣ, къ людямъ, и они пылали бы во
мракѣ нашего бытія, какъ свѣтильники его силы и
славы» ..

Отсюда мы видимъ, что свободный духъ босиковъ
и ихъ доброжелательность къ людямъ находятъ себѣ
полное сочувствіе со стороны ихъ творца, и потому не
грѣшатъ тѣхъ, кто считаетъ ихъ идеальными у Горь-
каго личностями.

VI.

о.... тутъ приходится счѣтаться съ вопросомъ,
что собственно нужно признать въ босикахъ иде-
альнымъ, такъ какъ тѣ же босики у того же Горькаго

награждаются часто и другини, иногда прямо — тѣмъ противоположными указаннымъ свойствамъ.

Такъ, напр., почти у всѣхъ босиковъ замѣтно какое-то презрительное отношеніе къ людямъ, переходящее даже въ злобу, въ страстное желаніе тикъ или иначе, а насолить человѣку. Григ. Орловъ повѣлъ самоотверженнаго ухода изъ холерными больными готовъ направить на докторовъ толпу и разнести больницу, гдѣ онъ, измученъ, только что обмывался душой. Мальва, въ расказѣ того же имени, говоритъ: «Иной разъ съѣла бы въ лодку и — въ море! далеко! и чтобы никогда больше людей не видать. А иной разъ тикъ бы наждачку человѣка завертѣла да и пустела волчкомъ вокругъ себя, смотрѣла бы на него и смѣялась; то жалко всѣхъ мнѣ, и пуще всѣхъ себя самое, то избили бы весь народъ. И потомъ бы себя страшною смертию». Еще съ большимъ ожесточеніемъ и бешенствомъ высказываются глубокую злобу къ людямъ Григорій Орловъ. «И! Но сію пору хочется мнѣ отличиться на чемъ-нибудь... Раздробить бы всю землю въ пыль или собрать тѣнью томарищей и жидовъ перебить... повѣсть до одиноч. Или вообще что-нибудь этакое, чтобы встать выше всѣхъ людей и плюнуть на нихъ съ высоты... А сказать нѣтъ! «Ахъ, вы гады! Зачѣмъ живете? Какъ живете? Жулье вы людское; и болиши ничего. И потомъ вить тор-машками съ высоты и въ дробь! Притяну все: города, деревни, люди разныхъ каибровъ... тьфу! Неужто же лучше этого и выдумать ничего нельзя! Всѣ другъ на друга... тикъ бы войли и передумали». Злоба у босиковъ является необходимымъ до некоторой стѣпени предикатомъ; по крайней мѣрѣ самъ Горькій такъ характеризуетъ ихъ: «эти люди очень злые и далеко не дружные», или: «зло въ глазахъ этихъ людей имѣло много

привлекательнаго». Злобное чувство босяковъ къ людямъ такъ велико, что иногда доводитъ ихъ даже до убійства человѣка.

При такомъ ихъ настроеніи, чуждомъ чувства жалости, вполне естественнымъ является ихъ неспособность покровительствовать кому бы то ни было. У Горькаго есть рассказъ: «Каннъ и Артемъ». Каннъ—жидъ, всѣми гонимый и обижаемый; Артемъ—силачъ—босякъ, котораго всѣ трепещутъ. Каннъ спасъ однажды жизнь Артему, за что послѣдній назвалъ Канна подѣ свою опеку. Однако это продолжалось не долго: между ними происходить слѣдующій діалогъ:

«Ну что?», спросилъ Артемъ: «живешь?»

— «Живу,—о, я теперь не боюсь!»...

«Ну и хорошо»...

— «Вамъ благодарю»...

«Погоди!» сказалъ Артемъ.

И онъ долго и тяжело молчалъ, попыхивая напиростѣй, тогда какъ еврей ждалъ его рѣчи, полный смутныхъ и болазненныхъ предчувствій...

«Н—да... Такъ теперь ничего, не обижаютъ?»

— «О, они боятся васъ. Они всѣ, какъ собаки, и вы, какъ левъ!»—И я теперь»...

«Погоди!»...

— «Н—ну? И что вы мнѣ хотите сказать?» съ трепетомъ спросилъ Каннъ.

«Сказать-то? Это не просто»...

— «Что же оно такое?»

«А!... видишь ты... будемъ мы говорить прямо. Сразу и—все».

— «Ага?»

«И я тебѣ долженъ сказать, что больше я не могу»...

— «Что, что не можете?»

«Ничего! Не могу! Противно мнѣ... Не идетъ мнѣ это... Не мое это дѣло...», вздохнувъ, сказалъ Артемъ.

— «Что же не ваше дѣло, что?»

«Все это... ты и все... Не хочу я больше тебя знать... потому не мое это дѣло».

Каниъ съежился, точно его ударили, и молчалъ.

«И ежели тебя обидать, ты ко мнѣ не идешь и не жалуйся мнѣ... я не могу тебя помочь... и въ защиту не пойду. Понимаешь? нельзя мнѣ это».

На вопросъ жиды — почему? Артемъ отвѣчаетъ:

«Да не могу! Понимаешь, нѣтъ у меня жалости къ тебѣ... и ни къ кому нѣтъ... Ты это тоже пойми... другому бы я не сказалъ этого, а просто бы р-разъ ему по башкѣ! А тебѣ говорю»...

Эти новыя черты въ характерѣ босика, это его стремленіе ставить себя въ центрѣ всего міра, это сочувствіе его только сильнымъ и мощнымъ и презрѣніе ко всему слабому, превращая босика въ яраго индивидуалиста, сближаетъ его съ «сверхчеловѣкомъ», а самого Горькаго ставитъ на одну параллель съ Ницше. Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ на удачу нѣсколько примѣровъ изъ сочиненій того и другого и мы увидимъ, насколько правдоподобно такое сближеніе Горькаго съ Ницше съ точки зрѣнія ихъ основныхъ взглядовъ на жизнь и человека. Ницше въ одномъ мѣстѣ своихъ сочиненій вы- сказываетъ такой афоризмъ: «падающаго подтолкни», и у Горькаго въ романѣ: «Олма Гордѣевъ», Игнатъ говорить: «Ежели видишь—сильный, способный къ дѣлу человекъ—пожалѣй, помоги ему. А ежели который слат быль, къ дѣлу не сложенъ—плюнь на него и пройди мимо». Ницше рекомендуетъ людямъ въ качествѣ награды жизни ненависть, месть и возстаніе противъ всего

существующаго, и этихъ началъ, вѣнчана, иѣ занимать
стать героевъ Горькаго. Ницше соѣтуетъ людямъ уда-
ляться въ дикія мѣста, и у босиковъ замѣтно стремленіе
порвать связи съ окружающимъ и «уѣхать туда, далеко».
Съ точки зрѣнія Ницше хорошо только то, что сильно,
и у Горькаго одно лицо въ этиодѣ: «Ошибки», разсу-
ждаетъ: «Морально это или не морально? Во всякомъ
случаѣ это сильно, и потому оно морально и хорошо»...

Такова другая сторона въ характерѣ босиковъ.
Нечего и говорить, конечно, о той путаницѣ, которую
они вносятъ въ понятіе о нихъ, дѣлая его крайне не-
опредѣленнымъ. Эта неопредѣленность въ характерѣ
героевъ Горькаго признается и критиками. В. Пессе,
напр., говоритъ: «Мы указали на нѣсколько общихъ
групповыхъ чертъ героевъ Горькаго—босиковъ. Этихъ
чертъ немного, и онѣ выражены недостаточно опредѣлен-
но». Характеризуя въ этомъ отношеніи слѣдующія слова
С. Ащевова въ журналѣ: «Образованіе», за августъ мѣ-
сяца 1901 года: «Во одномъ только признаніи выдающа-
гося таланта у М. Горькаго пока и сходится его многочи-
сленные «цѣнители и судьи». Разъ только дѣло выходитъ
о значеніи его литературной дѣятельности и о реаль-
но созданномъ имъ типѣ «босика», тотчасъ же начи-
наются разногласія. Въ этомъ отношеніи литература
о Горькомъ представляетъ рядъ выводовъ и сужденій
діаметрально противоположнаго характера. Для однихъ
босикъ Горькаго—призракъ, мечта, греза; для другихъ—
образъ вполне реальный. По мнѣнію однихъ, Горькій
черезчуръ идеализируетъ своего босика, по мнѣнію дру-
гихъ, онъ далеко отъ всякой идеализаціи». Одни гово-
рятъ, что Горькій въ своихъ разсказахъ черезчуръ цини-
ченъ; другіе утверждаютъ, что онъ отличается литерату-
рнымъ аристократизмомъ. Одни признаютъ за литер-

турной дѣятельностью Горькаго положительное, другіе—отрицательное значеніе и т. д., и т. д. Разобраться въ этихъ противоречіяхъ пока очень трудно».

УІІ.

Известное то, что для насъ остаются совершенно непонятными тѣ условія, которыя создаютъ босяковъ. Когда послѣднимъ приходится сказать, что ихъ заставляло «босяниться», они говорятъ только: «такъ», «осѣдлость не по мнѣ», «на душѣ безпокойство», «планины тѣла». Комоваловъ задаетъ себѣ вопросъ: «Не такъ и родился, что ли?» Гр. Орловъ просто рѣшаетъ: «Я родился съ безпокойствомъ въ сердцѣ, и судьба моя быть босякомъ». Иное дѣло, если бы Горькій показалъ намъ тѣ действительныя условія, при которыхъ нарождаются босяки, тогда и выводимыя ими личности, безъ сомнѣній, были бы реальны. Точнѣе также и та цѣль, къ которой стремятся босяки, цорижаютъ своею неопредѣленностію и туманностію. Босяки ищутъ своей «точки», но что такое она, что подъ нею разумѣется, этого сказать не въ состояніи ни одинъ изъ нихъ. Не удивительно поэтому, что даже потомъ, пробродивши чуть не по всему свѣту въ поискахъ за «внутренними путями», босяки ничего не находятъ, прося чѣго, махнувши на все рукой, рѣшаютъ, что думать объ этомъ босякамъ не слѣдуетъ. «Оно, конечно», говоритъ Комоваловъ: «если подумать, такъ имъ въ городѣ, имъ въ степи, нигдѣ человѣку мѣста нѣтъ; но лучше про такія дѣла не думать... ничего не выдумаешь, а душу надорвешь». Въ разсказѣ: «Тоска», Кузьма разсуждаетъ: «Сяжому противъ себя не надо спорить. Коли кто протавъ себя заспорить, — пинки: пропавъ человекъ».

Почему же Горькій, создавшій героевъ, оставилъ ихъ безъ опредѣленнаго идеала? почему онъ, возбуждая людей къ ясной, лучшей жизни, не указалъ имъ опредѣленной цѣли жизни, основного начала ея? Намъ кажется потому, что здѣсь Горькому пришлось столкнуться съ задачей, надъ которой уже бились и не достигли цѣли русскіе писатели, жившіе до него—это дать идеальный типъ на русской подкладкѣ. Отрицательные типы всегда удавались нашимъ писателямъ, положительные же—никогда, и, кажется, по той простой причинѣ, что ихъ еще не выработала русская жизнь. Въ самомъ дѣлѣ, что положительнаго въ Евгѣніи Онегинѣ, а также Печоринѣ? Чѣмъ кончилась попытка Гоголя создать идеальный русскій типъ въ «Мертвыхъ душахъ»? Насколько удаченъ у Гончарова идеалъ въ лицѣ его Штольца? Что заставило, наконецъ, Тургенева искать героя для своего романа не въ Россіи, а въ Болгаріи? (см. статью Добролюбова: «Когда же придетъ настоящій день?») Не совпадалъ съ этою задачею и Горькій, а потому и не далъ намъ въ своихъ произведеніяхъ положительнаго, идеального типа.

Однимъ справедливость требуетъ сказать, что при всей неопредѣленности характера босиковъ, ихъ стремленій и цѣлей, въ нихъ замѣчается одна общая черта, которая сама по себѣ можетъ быть идеаломъ—это стремленіе босиковъ къ свободѣ отъ условностей жизни, оплетающихъ человека и не дающихъ ему дѣйствовать такъ, какъ того требуетъ разумъ—это протестъ противъ пошлости и мертвенности жизни. Намъ кажется, что это-то стремленіе къ свѣту и свободѣ, получившее въ произведеніяхъ Горькаго такое конкретное выраженіе, и служить, вмѣстѣ съ мощнымъ поэтическимъ талантомъ, тою притягательной силою, которая привлекаетъ къ

Горькому такую массу читателей... Это постоянное стремление къ свѣту и свободѣ замѣчается не только у босняковъ, но и у всѣхъ вообще мало-мальски мыслящихъ личностей. Такъ, Варенька Олесова, эта простенькая, но размышляющая дѣвушка, говорить: «Мы люди до той поры нравятся, пока они сильно хотятъ чего-нибудь, мучатся... но, если они дошли до цѣли, тутъ они уже не интересны... и даже пошлы». Изъ другихъ произведеній Горькаго прямо слѣдуетъ, что нужно быть «сильнымъ, храбрымъ, безумно храбрымъ»; что всѣ силы надо отдавать на исканіе и стремленіе къ свѣту и свободѣ. Только свобода, освобождая человека отъ грязи и пошлости современной жизни, способна облегчить его душу и дать ему нѣкоторое успокоеніе. Такъ, Кузьма въ разсказѣ: «Тоска», этоть вольный, какъ вѣтеръ, и не засиживающійся подолгу ни на одномъ мѣстѣ, боснякъ вполне доволенъ своей свободной жизнью. Коноваловъ и Макарь Чулра говорятъ, что босняцкая жизнь не въ примѣръ лучше ихъ прежней жизни. Впрочемъ, боснячество не представляетъ собою конечнаго пункта зомоторныхъ стремленій, и не въ немъ они собственно ищутъ полного своего успокоенія отъ всѣхъ тревогъ и пошлостей жизни. Гр. Орловъ говорить, напр.: «Я родился съ безпойствомъ въ сердцѣ, а судьба моя быть боснякомъ. Самое лучшее положеніе въ свѣтѣ — свободно... и... тѣсно все-таки. Ходилъ я и вѣдалъ въ разные стороны... никакого утѣшенія. Подобно Орлову, расуждаетъ и Коноваловъ: «Вспомнилъ я, Максимъ, ту нашу жизнь, и все тамъ, что было. Сколько послѣ того исходилъ я земли, сколько всякой всячины видѣлъ... Нѣтъ для меня на землѣ ничего удобнаго! Не напелъ я себѣ мѣста».

Не и при всемъ томъ, свобода — лучшее, чѣмъ толь-

но может владѣть человѣкъ. Это пока цѣль человеческой дѣятельности, такъ какъ только тогда, когда человѣкъ найдетъ въ себѣ силы разорвать связь съ окружающимъ его міромъ грязи и пошлости, — только тогда для него возможно будетъ обновленіе, возможна будетъ новая, свѣтлая жизнь. На свободу Горькій смотритъ, какъ на пробу человека своихъ силъ, и въ то же время, какъ на необходимое условіе лучшаго устройства жизни...

VIII.

Подводя итоги литературно художественной дѣятельности Горькаго, мы видимъ, что онъ указывалъ какъ на ненормальное теченіе современной жизни, но однако не создалъ опредѣленнаго идеала отчасти потому, что такихъ идеальныхъ личностей не вырѣбывала еще русская жизнь, и отчасти потому, что самъ еще не уяснилъ себѣ смысла жизни, самъ еще не разрѣшилъ всѣхъ жизненныхъ «проклятыхъ» вопросовъ. Въ «Читателѣ» Горькій прямо заявляетъ, что онъ еще «полонъ сомнѣній и думъ».

Міровоззрѣніе Горькаго находится еще въ періодѣ формированія, и потому онъ, какъ думается, колеблется, что признать за принципа дѣятельности: индивидуализмъ съ узко эгоистическими характеристиками или альтруизмъ? И трудно рѣшить заранее, къ чему онъ склоняется — къ первому или ко второму?

Такъ, съ одной стороны, онъ почти нигдѣ не занимается о религіи съ ея альтруистическими характеристиками, съ ея умиротворяющимъ вліяніемъ на человека; его босяки относятся къ религіи индифферентно и даже богѣ того: Чалкаши, напримѣръ, презрительно болтунуль,

когда ему сказали: «гуляй, знай, какъ хошь, — Бога только помни». Ни одинъ босакъ не находитъ для себя умиротворенія въ религіи и дѣятельной любви къ ближнимъ. Сямъ Горькій раздумываетъ «о великомъ несчастіи тѣхъ людей, которые, вооружившись новою моральною христіанскою, новыми желаніями, одиноко ушли впередъ и потерялись въ жизни, и встрѣчаютъ на дорогѣ своей спутниковъ, чуждыхъ имъ, неспособныхъ ихъ повинить». Семка въ рассказѣ: «Дѣло съ застѣжками», увѣщаетъ Мишку: «Умри ты лучше, певъ милый. А то завтра тебя съ твоими такими вырутасами мухи или тараканы съѣдятъ». Маякинъ, одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ романѣ: «Ома Гордѣевъ», говоритъ: «Кто хочетъ отъ жизни добиться толку, тотъ грѣхъ не боится... Совѣсть — сила непобѣдимая лишь для слабыхъ духовъ».

Съ другой стороны, въ своихъ произведеніяхъ Горькій обнаруживаетъ сильно развитое чувство гуманности и глубокаго уваженія къ человѣческой личности. Вспомнимъ, напр., его аллегорическій рассказъ: «Старуха Изергиль», или, лучше: «Однажды осенью»; гдѣ рѣчь идетъ объ одной ослѣпленной противъ всѣхъ проститутиѣ, которая, несмотря на свою ненависть къ людямъ, ночью согрѣваетъ своимъ тѣломъ иззябшаго босика. Въ рассказѣ: «Болесь», одна изъ «этажныхъ» гуляющихъ упрямиваетъ живущаго по соседству съ нимъ студента написать самое нѣжное письмо къ какому-то «Болесю», ее жениху. Но, какъ потомъ оказалось, въ дѣйствительности не было никакого Болеса. На вопросъ студента, зачѣмъ ей понадобились письма къ несуществующему Болесю, она отвѣчаетъ: «Вотъ вы мнѣ написали письмо къ Болесю, а я его дала другому прочесть, и, когда мнѣ его читаютъ, я слушаю и думаю, что Болесь есть! И прошу написать письмо отъ Болеса къ Терень... по

мнѣ. Когда такое письмо мнѣ напишутъ и читаютъ, я ужъ совсѣмъ думаю, что Болесь есть. А отъ этого мнѣ легче живется».

«Я понимаю», замѣчаетъ рассказчикъ: «мнѣ стало такъ больно, такъ скверно, такъ стыдно чего-то. Рядомъ со мной, въ трехъ шагахъ отъ меня, живетъ человѣкъ, у котораго нѣтъ на землѣ чинюго, кто бы могъ отнестись къ нему любовно, сердечно, и этотъ человѣкъ выдумываетъ себѣ друга»... Но особенную цѣнность въ разсужденіи нами отношеніи имѣетъ «Читатель», — разсказъ, проникнутый глубокимъ чувствомъ любви къ людямъ...

Но пусть Горькій не выработалъ еще себѣ опредѣленнаго міровоззрѣнія: пусть онъ еще не видитъ точки, къ которой необходимо стремиться человѣку въ его жизни, и однако это нисколько не мѣшаетъ ему быть послѣдовательнымъ въ проведеніи малюбенной нити идеи — разбудить человѣка отъ его сначки, вдохнуть въ него стремленіе къ свободѣ и свѣту и, такимъ образомъ, возвратитъ человѣка къ живой жизни... Въ началѣ статьи мы упоминали, что ненормальный строй жизни современнаго общества, безпринципность и сонливость человѣка, даже болѣе того, — его безжизненность — являются исходнымъ пунктомъ литературной дѣятельности Горькаго, и это не слова — это дѣйствительный фактъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, обратимся къ мисіи Горькаго, къ «Читателю», гдѣ онъ излагаетъ свои заветныя мысли, свои основныя взгляды на литературно-поэтическую дѣятельность. Тамъ незнакомецъ, который является alter ego самого автора, говорить, между прочимъ, обращаясь къ Горькому: «Понимаете ли вы (поэты) запросы своего времени, предчувствуете ли вы будущее, и что вы можете сдѣлать для возбужденія человѣка, раба тѣлеснаго

мерзостью жизни, паршаго духомъ? Онъ упалъ духомъ; его интересъ къ жизни низолъ; желаніе жить съ достоинствомъ въ немъ иссякаетъ, онъ хочетъ жить просто, какъ свинья, и вы слышите? уже онъ нахально смѣется, когда произносятъ слово идеалъ: человѣкъ становится только грудой костей, покрытыхъ мясомъ и толстой шкурой; эту сиверную груду двигаетъ не духъ, а похоть. Онъ требуетъ вниманія—скорѣе! помогите ему жить, пока онъ еще человѣкъ!» И дальше продолжаетъ: «Дремлетъ человѣкъ... и никто не будитъ его. Дремлетъ онъ и превращается въ животное. Бичъ ему нуженъ и огненная ласка любви вслѣдъ за ударомъ бича... Когда ему будетъ больно и стыдно за себя, ты пламенно обласкай его, и онъ возродится»...

«Когда ему будетъ больно и стыдно за себя»... да, вотъ изъ-за чего бьется Горькій. Онъ пишетъ для того, чтобы человѣкъ пришелъ въ себя, чтобы сознательно поглядѣлъ на окружающую его обстановку, чтобы увидѣлъ всю ту мерзость, до которой онъ дошелъ, и тогда ему станетъ больно и стыдно за себя; тогда онъ начнетъ искать выхода изъ этого положенія, тогда онъ создастъ себѣ идеалы и будетъ жить ими... Трудна и тяжела эта неблагодарная работа, и много силъ, энергіи, большой и стойкой воли требуетъ она для себя! Вотъ почему даже такой энергичный и стойкій работникъ, какъ Горькій, не всегда достигаетъ успѣха, и ему приходится жаловаться на то, что его мѣро, «слабо компенсирующее дѣйствительность», не можетъ создать хотя бы маленькаго возвышающаго душу обмана; что онъ не умѣетъ изображать такъ, чтобы картина жизни вызвала въ человѣкѣ истинный стыдъ за себя и жгучее желаніе создать ясныя формы жизни...

Снова, только съ большею силою и настойчивостію

повторилъ Горькій эти мысли и въ одномъ изъ позднѣйшихъ своихъ произведеній—«О писателѣ, который узнался». Это произведеніе, характерно въ томъ отношеніи, что оно является до нѣкоторой степени надгробною рѣчью надъ современнымъ человѣкомъ; кромѣ того, здѣсь прямо и открыто высказывается то, что скрывается въ его художественныхъ произведеніяхъ прежнихъ лѣтъ... Разсказъ: «О писателѣ, который узнался», имѣетъ своимъ основаніемъ извѣстный инцидентъ Горькаго съ московскою публикою въ одномъ изъ театровъ. Въ разсказѣ писатель задаетъ, между прочимъ, публикѣ вопросъ, за что бы можно было уважать ее? Публика не отвѣчала. «Вотъ видите», послѣ долгаго молчанія кротко сказалъ писатель: «вы и сами не въ состояніи придумать, за что можно было бы уважать-то васъ».

Какой-то рыжій человѣкъ открылъ ротъ и басомъ молвилъ:

«Мы люди»...

— «Ну много ли среди васъ настоящихъ-то людей? Можетъ-быть, человѣкъ пять на тысячу найдется такихъ, которые страстно вѣрятъ, что человѣкъ есть владыка и творецъ жизни, и право его—свободно думать, ходить—святое право; можетъ—только пять изъ тысячи способны бороться за это право и безъ страха погибнуть въ борьбѣ за него. Большинство изъ васъ рабы жизни или наглые хозяева ей, и всѣ вы кроткіе мѣщане, временно заступающіе должности настоящихъ людей. То, что есть въ васъ человѣческое—только зоологическое—я вотъ смотрю въ ваши тусклые и робкіе глаза и со страхомъ вижу, что мало среди васъ смѣлыхъ, какъ мало честныхъ! Вѣдн страна моя людьми сильными, а ужъ вновь наступило время, когда ей нуженъ герой...

... Хорошій, живой человѣкъ всегда куда-нибудь стремится, чего-нибудь ищетъ, а вы живете тихо, смиренно, неподвижно, такъ, какъ приказываютъ вамъ. Жить вамъ тяжело, думать—лѣнь, двигаться вы боитесь. Вокругъ васъ, точно у коготки въ гостиной бездѣлушки на полочкѣ, торчатъ полусгнившія традиціи да разныя житейскія правила, ни къ чорту не годныя. Все это лишаетъ васъ свободно рукой шевельнуть, но все это ваши маленькіе идолы, и вы не смѣете низвергнуть ихъ, хотя они, какъ оковы вамъ. И когда вѣтеръ съ поля приноситъ въ затхлый воздухъ вашихъ норъ новые свѣжіе запахи, вы, опасаясь олюса въ сердца, закрываете всѣ форточки. Безпокойства не любите вы, безпокойство пугаетъ васъ ..

... Жизнь—героическая поэма о человѣкѣ, который ищетъ сердца ея и не находитъ, хочетъ все знать и не можетъ, стремится быть могучимъ, какъ Отецъ его на небесахъ, и не въ силахъ побѣдить своей слабости. Слыхали ли вы что-нибудь объ истинѣ, о справедливости, о желаніи видѣть всѣхъ людей земли гордыми, свободными, красивыми?.. Вамъ хочется быть только сытыми, жить въ теплѣ, насиловать и развращать женщинъ подъ видомъ любви къ нимъ; вамъ хочется жить спокойно, уютно, потихоньку—вотъ ваше счастье. А желаніе ваше лучшаго счастья—купить на грошъ пятаковъ. Счастье ловить крѣпкими, мускулистыми руками, а вы трусливые, слабые, тилые—вы даже и мухи не можете поймать безъ помощи со стороны,—вы и съ мухой сражаетесь посредствомъ ядовитой бумажки: «смерть мухамъ».

И вотъ какъ заканчиваетъ свою рѣчь писатель. «Я утверждаю: все подлое и отвратительное, что бросается на каждомъ шагѣ—живо, сильно и такъ ярко

цѣтеть всюду вокругъ насъ потому только, что опирается на твердую почву, на вашъ страхъ за свои шкуры, на ваши холопскія чувства. Въ позорѣ жизни виноваты мы всѣ одинаково. И если бы и вѣрилъ въ силу проклятья, я бы проклиналъ васъ всѣхъ... Но я вѣрю въ ничто другое! Скоро придутъ иные люди, люди смѣлые, честные, сильные... скоро...

Г. Прохоровъ.

